
НИЩЕ И КАЛЕКИ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Дэниэл Х. Кайзер

Данная статья посвящена изучению качественного и количественного состава городских нищих в России петровского времени на основе двенадцати переписей населения, проведенных в 10 городах между 1710 и 1720 годами. Калеки, однако, не составляли значительную часть нищих, по большей части проживая в обычных облагаемых налогами домохозяйствах. Несмотря на разные болезни и немощи, в целом калеки представляли социальный груз для других членов домохозяйств, осуществлявших тем самым прототип социального обслуживания по отношению к калекам. Таким образом, калеки, вопреки сложившимся стереотипам, не составляли костяк нищенства в России петровского периода.

Ключевые слова: нищие, калеки, Россия, переписи населения, XVIII век

В доиндустриальной Европе признавали две основных категории обнищания. Первая категория – калеки, те, кто болел серьезными хроническими или острыми заболеваниями, безумные, состарившиеся и сироты – всегда полагались на жалость и благотворительность тех, кому больше повезло в жизни. Иногда называемые «структурными» бедняками, эти несчастные

Сокращенный вариант публикации: Daniel H. Kaiser. The Poor and Disabled in Early Eighteenth-Century Russian Towns // *Journal of Social History*. 1998. Vol. 32. № 1. P. 125–155. Перевод и публикация с любезного разрешения правообладателей. Более ранняя версия данной статьи была представлена в виде докладов на V Всемирном конгрессе изучения стран Центральной и Восточной Европы (Варшава, 6–12 августа 1995) и на коллоквиуме, состоявшемся на кафедре истории Калифорнийского университета (Риверсайд) 13 марта 1996 года. Приношу свою благодарность слушателям обоих мероприятий за их предложения и комментарии, в особенности Полу Дьюксу, Ричарду Хейли, Валери Кивелсон и Кэти Поттер за подробные комментарии.

не могли зарабатывать себе на жизнь и поэтому полностью зависели от попрошайничества и благотворительности. Вторая категория («случайные» бедные) состояли из здоровых людей, терпящих нужду из-за какого-нибудь природного, эпидемического или экономического кризиса. Члены этой категории, количество которых значительно выросло в XVI и XVII веках, были бедны по непонятным причинам; попав в ловушку меняющейся протоиндустриальной экономики, они просто не могли найти работу [Woolf, 1986. P. 6–39; Feinberg, 1986. P. 152–153; Wandel, 1990. P. 150–152]. Отмечу, что Джон Хендерсон предлагает несколько иную систему определений: эндемическая, эпидемическая и эпизодическая бедность [Henderson, 1994. P. 245–246]¹.

Несмотря на такую очевидную ясность данной таксономии бедности, историк всегда испытывает значительные трудности с определением тех, кто был беден. Прежде всего, до недавнего времени бедняки были малозаметны в анналах истории, ибо пока благотворительность оставалась в большинстве своем личной и адресной, что происходило вплоть до бюрократизации благотворительности и правительственной социальной помощи, не сохранилось никаких записей о передаче пожертвований, не говоря уже об описании или подсчете получателей. Трактат об управлении домашним хозяйством XVI века Домострой призывает к щедрости по отношению к бедным, делая упор на личное участие: «[нищих] введи в дом свои напои накорми согрей одежи всюю любовию и чистою совесью теми милостива Бога сотвориши и свободу получиши... Нищих и маломощных и бедных и скорбных и странных пришепцов призывай в дом свои и по силе накорми и напои и согрей и милостыню давай от своих праведных трудов» [Домострой, 1990. С. 39, 105]. Интимность и приватность самого действия препятствовала перенесению его на бумагу, поэтому невозможно узнать, сколько человек стало объектами данной благотворительности, не говоря уже о том, сколько человек ее заслуживало.

Даже те пожертвования, которые и были зафиксированы, например, в завещаниях или предсмертные пожертвования в церковных документах, дают нам лишь поверхностную информацию о жизни жертвователя. В завещании могли быть указаны небольшие подачки в виде денег или еды бедным, присутствовавшим на похоронах, что делает жертвователя видимым для историков. Но те, кто получал эти пожертвования, оставались невидимыми и неизвестными. Только с созданием централизованных благотворительных институтов и затем с ростом интереса государства к своим народным ресурсам появились более или менее систематические записи о бедняках.

¹ О более интересных, хотя и довольно спорных, определениях бедности в позднее средневековье и ранее Новое время см. следующие работы: Blockmans, Prevenier, 1978. P. 20–39; Blockmans, 1981. P. 39–45; Subacchi, 1993. P. 65–86; Henderson, Wall, 1994. P. 3–4. Об истории бедности см. следующие работы: Mollat, 1986; Geremek, 1994; Jütte, 1994; Hufton, 1974. О связи бедности с экономическими изменениями см.: Lis, Soly, 1979.

Записные книги, с помощью которых европейские городские и государственные власти в раннее Новое время пытались оценить возможность обложения налогами своих подданных, позволяют нам увидеть бедняков. Подробно описывая как жителей каждого домохозяйства, так и их финансовое и физическое благосостояние, данные источники представляют нам подробную картину бедности и то, как их положение отличалось от богатых. Однако учетные налоговые книги и демографические реестры не являются идеальным методом изучения характера и размаха бедности; как показывает сравнительный анализ именных списков бедных и налоговых списков и записей учета народонаселения, эти последние источники регулярно преуменьшают размах обеднения в Европе раннего Нового времени, не учитывая бездомных и мигрирующих бедняков. Более того, различные местные кадастры, даже составленные в то же время и по одним и тем же правилам, дают значительные вариации в количестве бедных, что, без сомнения, является результатом использования различных критериев бедности разными лицами.

Как показывает реформа системы благотворительности почти повсеместно в Европе конца XVI и в XVII веках, другие факторы влияли на общественное восприятие бедности. Маргарет Пеллинг обратила внимание на то, что главной целью благотворительности в Норидже XVI века было спасение общественных денежных фондов. Реформаторы хотели заставить дееспособных бедняков, тех «кто мог бы прекрасно работать, если бы они пребывали в нужде», трудиться; те же, кто страдал от хронических болезней, кто был слишком слаб или стар для работы, более заслуживали симпатии, и с ними разбирались отдельно. Однако то, как отделяли одних от других, мало понятно. В других же местах эпидемии и голод не только увеличивали количество бедных, и тем самым претендентов на получение помощи, но также подталкивали местные власти к дискриминации разных категорий бедняков. Джон Уолтер обнаружил, что во всех английских городах конца XVI – начала XVII веков «неурожаем побуждал к использованию более узкого определения тех, кто имеет право на помощь» и, таким образом, соответствующему нисходящему давлению на переписчиков бедняков [Pelling, 1985. P. 117, 136–137; Walter, 1989. P. 126].

Исследование Петера Слэка о бедняках в Солсбери демонстрирует, насколько подвижным может быть определение бедности, и как внешние векторы могли бы влиять на количество лиц, заслуживающих помощи. Женщины, дети и старики доминировали среди «беспомощных» нищих в Солсбери и в 1625 году составляли около 4% от шести с половиной тысячного населения города. Количество «бесстыдных» нищих – бродяг, попрошайек и здоровяков – увеличилось в геометрической прогрессии, особенно в результате чумы и неурожая. Поэтому те, кто получал пожертвования в Солсбери в 1635 году, составляли не более 5% населения, а количество лиц, которые при использовании более широкого определения могли бы считаться бедными, насчитывали до 1/3 населения.

Разные переписи могут таким образом обнаружить различные классы и разную численность бедных в городских общинах. Бедных могли определять широко или узко. Переписи, концентрировавшиеся на тех, кто получал помощь, скорее включали высокую пропорцию стариков и большое количество домохозяйств, чьи главы овдовели или не состояли в браке, обычно это были женщины. Но более полная перепись, включавшая «"честных тружеников и бедных домовладельцев", также как и исключительные случаи тех, кто был очень беден, скорее содержала бы более людей среднего возраста и больше супружеских пар... В рамках данного спектра бедные, обычно получавшие пожертвования, охотно попадали в группу исключительных случаев; но "бедные" обычно легче терялись среди населения, а когда их начинали включать в группу тех, кто получал пожертвования, оказывается, что не было четкого ограничения размера проблемы» [Clark, Slack, 1972. P. 165–177; см. также: Slack, 1988. P. 4, 37–40].

В данных обстоятельствах вряд ли удивительно, что количество бедных в Европе раннего Нового времени широко варьировались.

Определения нищеты

В Ковентри XVI века, например, почти половина населения не платила налоги по причине бедности, в то время как в других английских городах от уплаты налогов была освобождена 1/3 потенциальных налогоплательщиков [Youings, 1984. P. 75; о других городах см.: Slack, 1986. P. 25; Wrightson, Levine, 1979. P. 34]. В Любеке в конце XV века фискалы считали более половины населения бедняками, а в ряде Вюртембергских деревень в 1544 году «те люди, которые постоянно зависели от других в своем существовании, составляли, по крайней мере, 65% населения...» [Wandel, 1990. P. 11]. В Меммингене в 1521 году бедняки, выявленные налоговыми записями, составляли до 55% всего населения и, как показывает одно исследование, «большая часть Южной Германии [в конце XVI века] в действительности превратилась в землю бедняков» [Robisheaux, 1989. P. 72]. В 1558 году после неурожая и эпидемии в Толедо почти 20% населения города нуждалось в помощи, а в некоторых приходах эта доля была значительно выше [Martz, 1983. P. 113–114]. Сисси Фейрчайлдс изучила материалы комиссии по нищенству Национального собрания во Франции, касающиеся определения бедности во Франции XVIII века; по подсчетам комиссии, «вероятно половина французского населения при старом порядке проживала в нищете» [Fairchild, 1976. P. IX]¹. Карло Чиполла использовал еще менее формальное определение и заявил, что гораздо бóльшая часть населения Европы могла находиться

¹ Жан Мейер считает, что еще бóльший процент бедняков находился среди городского населения Бретани [Meuer, 1972. P. 448–449, 451, 459], но в Лилле в среднем также насчитывалось 50% [Trenard, 1972. P. 475]

в нищете: «можно рискнуть и предположить, что от трех четвертых до четырех пятых населения страдало от серьезной нехватки питания, одежды и ужасных условий проживания» [Cipolla, 1981. P. 65–73] ¹.

Источники: городские переписи начала XVIII века

Хотя в XVI и XVII веках московские чиновники включали бедняков — глав домохозяйств в налоговые списки, систематический учет бедняков начался в российских городах только в царствование Петра Великого (1689–1725). Суверен приказал составить первые переписи, в которые включались все до единого, мужчины и женщины, не зависимо от возраста, как часть своей реформы по реорганизации системы государственного управления. Инструкции с целью обеспечения полного учета угрожали смертью любому, кто пропустит «хоть одного ребенка» ². Осуществление этой цели, кажется, обошло отвечавших за перепись чиновников стороной, однако сказки все же обеспечивают представление о составе российского городского населения в начале XVIII века.

Данное исследование опирается на двенадцать опубликованных переписей из десяти российских городов, которые были составлены петровскими чиновниками между 1710 и 1720 годами (табл. 1) ³. Обходя каждое домохозяйство, петровские чиновники записывали имя, возраст и социальное положение каждого резидента. Переписчики регулярно отмечали калек, описывая тип инвалидности, и одновременно указывали тех, кто мог рассчитывать на освобождение от налогов. Безусловно, российские чиновники не были успешнее своих европейских коллег в части учета мигрирующих бедняков, и поэтому, конечно, недооценивали масштабы бедности. Тем не менее переписи обеспечивали подробное, достаточно полное представление о бедных в городской России начала XVIII века.

Как и везде в Европе, петровские переписи российских городов обнаруживают значительные различия в оценке бедности (табл. 2). Например, подсчет 1718 года в Белеве практически не обнаружил бедных домохозяйств, с одной стороны; с другой стороны, чиновники в Устюжне и Угличе определили 1/5 часть всех домохозяйств в качестве бедных, и поэтому освобожденных от налогов; общий же средний показатель для десяти

¹ Подсчет количества бедняков, конечно, не совпадает с количеством тех, кто получал помощь. Дэвис считает, что изучение разных мест в Европе раннего Нового времени демонстрирует, что примерно 5% городского населения постоянно получало помощь [Davis, 1975. P. 63–64]. Фейрчайлдс утверждает, что в О около 20% получали ту или иную форму общественной помощи [Fairchild, 1976. P. 13].

² ПСЗ, 1830. Т. IV. № 2253.

³ Подробный анализ источников и полную библиографию по этому поводу см. Kaiser, 1992–1993. P. 44–58; анализ некоторых других аспектов см.: Kaiser, Engel, 1993. P. 824–839; Кайзер, 1994. Т. 2. С. 225–237.

городов составил 12,9%. Домочадцы бедных и освобожденных от налогов домохозяйств (4 109 чел.) составили более 1/10 части всего населения, учтенного в двенадцати переписях.

В те десять лет, в течение которых были проведены данные переписи в России, кажется, не случилось никаких природных катаклизмов подобно тем, которые вызывали бедность и, соответственно, ограничения в предоставлении помощи в других местах. Хотя есть сведения о серьезном голоде от 1690, 1696 и 1704 годов, следующее десятилетие, когда были осуществлены переписи, оказалось относительно спокойным для российской экономики. Есть сведения о наводнении в суровую зиму 1709 года и о «небольшом голоде», вызванном избыточными дождями, в 1716 году, но до 1721–1724 годов Россия, скорее всего, не подверглась одновременно эпидемиям и неурожаям, которые обычно ограничивали ресурсы помощи и, следовательно, вызывали к жизни более узкое определение бедности. И хотя мы можем только догадываться о динамике движения населения в России в этот период, все же сохранилось мало данных о быстром росте населения подобно тем процессам, которые повсеместно помогли введению консервативных определений бедности в целях сохранения общественных фондов [Kahan, 1968. P. 372; Davis, 1975. P. 59].

Но если петровская Россия не переживала особых катаклизмов, то в этот период велась постоянная война вплоть до Ништадского мира, заключенного в 1721 году. По некоторым сведениям, война подталкивала Петра I к постоянному поиску доходов, на которые можно было бы кормить и содержать армию и нанимать солдат для пополнения ее потерь. Помимо военных дел, существовали и дополнительные цели – строительство Санкт-Петербурга, новой столицы, – подпитывавшие петровское видение нового российского государства, и все эти мечты требовали больших доходов и трудовых ресурсов¹. В данном контексте, вероятно, петровские указы об увеличении налогообложения и количества пригодных к военной службе мужчин сыграло свою роль в сокращении количества резидентов, квалифицировавшихся как бедных. Согласно некоторым подсчетам, петровские рекрутские наборы между 1705 и 1713 годами составляли 11% от всех пригодных к военной службе мужчин, а за период между 1719 и 1745 годами рекрутские наборы составляли 6% от мужского населения Российской империи. Когда речь идет о таких ресурсах, петровское правительство должно было с осторожностью относиться к слишком щедрой политике освобождения от налогов [Ransel, 1988. P. 21].

В результате, скорее по политическим причинам, а не из личной неприязни, Петр I с трудом терпел нищих. Подобно своему предшественнику Ивану IV, Петр считал нищих источником большинства социальных бед,

¹ См. классическую, почти негативную, оценку Петровского царствования: Klyuchevsky, 1958. P. 157–180.

также он подозревал, что многие из тех, кто прикидывается нищим, делают это с целью уклонения от исполнения государственных обязанностей. Иван IV, обращаясь к церковному собору 1550–1551 годов, настаивал, что пока истинно нищие страдают, «... вкупаются у прикащиков мужики с женами мало больных, а нищие и клосные, и гнилые, и престаревшиися в убожестве глад и мраз, и зной, и наготу и всякую скорбь терпят, и не имеют, где главы подклонити,— по миру скитаются» [Стоглав, 1985. С. 270]. Решения собора обязывали к регистрации всех содержащихся в богадельнях, и все те, кто мог работать, должны были трудиться [Стоглав, 1985. С. 351; см. также: Прыжов, 1913. С. 51–53; Прыжов, 1996. С. 135–136; Lindenmeyr, 1996. P. 28]. Но даже до того, как Петр I вступил на престол, церковники были обеспокоены неадекватной системой благотворительных институтов в Московском государстве. Несмотря на существование богаделен в XVI веке, церковный собор 1681/82 годов воззвал к основанию новых институтов, не столько по причине явной жалости к несчастным, но в качестве гарантии, «чтоб нищие не скитались без призираня и ленивые б, имеющие здравие телесное, пристали к работе» [АИ. Т. 5. С. 116; Potter, 1993. P. 352].

Закон поддержал данное воззвание. Обвинив нищих в том, что они сами себя калечат с целью привлечь больше жалости, закон не проявил никакого милосердия к нищим и обязывал арестовывать их и затем отсылать к ним на родину, где, предположительно, их можно было внести в налоговые списки. Если их ловили снова за попрошайничество, тогда им полагался кнут и ссылка в Сибирь¹ [Прыжов, 1913. С. 53–54; Прыжов, 1996. С. 136]. В 1694 году Петр I подтвердил данный указ, включив в него церковников, собиравших подаяние. Чтобы повысить его эффективность, Петр потребовал, чтобы указ был распространен среди московских войск, записан во все писцовые книги и зачитан на всех московских улицах². В действительности, иностранцы сообщали из Москвы XVII века, что попрошайки часто калечили себя, надеясь улучшить свои сборы. Некоторые также использовали похищения людей. Похитив ребенка, они ломали ему руку или ногу, или выбивали глаз; тех, кто выживал после таких издевательств, они забирали с собой просить подаяние, надеясь, что калечные дети увеличат сборы [Путешествие в Московию... 1874. С. 92–93]³.

Последующее законодательство демонстрировало еще меньшую толерантность к нищим и постоянно повторяло более ранние предписания, которые, очевидно, не были эффективными. Указ от 21 января 1712 года предписывал: тех бродяг, которые будут пойманы за попрошайничеством, отправлять в богадельни; Монастырскому приказу было поручено пристально следить за местами обычного сборища нищих, чтобы выявлять

¹ ПСЗ. Т. 3. № 1424.

² ПСЗ. Т. 3. № 1489.

³ Приношу благодарность Маршалу По за данную ссылку.

и арестовывать нарушителей указа. При повторном аресте попрошаек следовало подвергать «тяжкому наказанию» и отсылать в родные места¹. Указ 1718 года пошел еще дальше; согласно ему любой нищий, пойманный на Москве, те, кто просят «по гостям и по рядам и по улицам и сидят по перекресткам», должны быть арестованы и препровождены в Монастырский приказ, где их следовало наказать на теле; деньги, найденные при бедняках, следовало отдать тем, кто их поймал. Указ также запрещал частную раздачу милостыни, предлагая вместо этого направлять милостыню напрямую в богадельни; тех же, кто продолжал подавать милостыню в нарушение закона, штрафовать².

То, что Петр был абсолютно серьезен, видно из доклада 1723 года, который начинается с наблюдения о том, что с 1701 года государство пыталось отратить истинных бедняков от попрошайничества на улицах, у мостов и на рынках. Но это не удалось. Расследование в московских богадельнях обнаружило 80 человек, большая часть из которых

не жила совсем в богадельных домах, но, получая богадельное жалование, проживала или у своих родных, или в наемных квартирах и углах; некоторые не жили даже в Москве. Были между призрваемыми старики 70 и 75 лет, но еще бодрые, <...> но были 20–40 летние, и даже 16 летние, нисколько не болезненные. Некоторые имели свои дома, или занимались торгом и ремеслом... Были такие, которые не имели никакого другого недостатка, кроме бельма на глазу [и поэтому предположительно получали подавание несправедливо. – Д. К.]. Были люди, целую жизнь свою изжившие в попрошайстве, не несшие никакой службы обществу, приучавшие к такой жизни и своих детей.

«Тех, которые в силах, здоровых и не престарелых, из богаделен удалить», – отмечается в докладе, только те, кто заслуживал подавания – их должно быть как можно меньше – будут помещены в благотворительные учреждения. Все остальные должны работать³. Линденмейр в своем обзоре петровской политики по отношению к бедным связывает эти меры с влиянием меркантилизма на государственную политику [Lindenmeyr, 1996. P. 27–31]. Подобное отношение к бедным можно найти повсеместно в Европе, включая Гамбург XVIII века, где магистрат в 1725 году попытался избавиться от «опасных попрошаек» в городе и зарезервировать подавание только для истинно нуждающихся; остальных следовало послать

¹ ПСЗ. Т. 4. № 2470.

² ПСЗ. Т. 5. № 3172. С. М. Соловьев без каких-либо объяснений относит этот указ к декабрю 1705 года [Соловьев, 1962–1966. Т. 8. С. 319; см. также: ПСЗ. Т. 6. № 3676]. Как отметила Линденмейр, русская благотворительная традиция шла вразрез с петровским указом [Lindenmeyr, 1996. P. 18–21]. См. также примеры русской благотворительности у Прыжова [Прыжов, 1913. С. 47–50; Прыжов, 1996. С. 132–134; Забелин, 1992. С. 147–149].

³ ОДД. Т. 1. № 612.

на работу [Lindemann, 1990. P. 83]. Подобным же образом пьемонтский закон 1716 года объявил вне закона попрошайничество и дачу милостыни в Турине, и приказал всем бедным явиться в местную богадельню (Ospedale di Carità), где их следовало проверить на пригодность для получения подаяния; любой, кого в последствии обнаружат просящим милостыню, должен был быть наказан [Cavallo, 1990. P. 67].

Данные принципы – выделение истинно нуждающихся бедняков из массы претендующих на это положение, осуществление благотворительности только через официальные институты, необходимость работать для здоровых – лежали в основе последующего петровского законодательства. Иван Посошков высказывал те же идеи в своей «Книге о скудости и богатстве», призывая правительство отправить попрошаек на работу, обучать их ткачеству, обесцвечиванию тканей и пр. [Посошков, 1951. С. 105–109, 146–47]. Указ 1718 года, регулировавший городскую жизнь, включая распоряжения по обеспечению охраны улиц, противопожарной безопасности и другие меры, также предписывал местным властям допрашивать бродяг и нищих и отправлять здоровых на работы. Другой указ от того же года, всегда исключавший престарелых и калек, которых предположительно следовало помещать в богадельни, предписывал сбор здоровых бродяг и отправку их домой; там они могли ожидать пропитание и одежду от своих семей, помещиков и прочих, но взамен они должны были работать ¹.

Попытка переписи бедняков по всей России (за исключением Сибири), предпринятая в 1720 году, обнаруживает, кого государство считало истинно нуждающимися; чиновники должны были отправиться туда, «где есть старые больные и увечные нищие и сироты, как мужеска, так и женска полу, которые были в богадельнях и в госпиталях и сверх тех, которые явятся такие ж больные и увечные, которые работами пропитать себя не могут, а ни к кому не приписаны и в подушный оклад не положены...» ² [Anisimov, 1993. P. 229; я не уверен, что сохранились результаты этой переписи]. Указ 1721 года предписывал проведение переписи богаделен, чтобы удостовериться, что эти приюты принимали только тех, кто заслуживал помощи, а именно «которые весьма престарелые, и дряхлые, и болезненные и никакого труда понести не могут, також что у которых родственников и свойственников никаких всеконечно нет...» Те же, у кого были родственники, не заслуживали богадельни, что было ясно прописано в указе 1710 года: приказывая проводить ежемесячную проверку жителей московских богаделен, закон определял, что те, которые имели «жен и детей или промысли и живут домами, и тем в богадельне не быть» ³. Указ от 6 апреля 1722 года призывал к внимательному наблюдению за улицами, чтобы сразу же ловить

¹ ПСЗ. Т. 5. № 3203, 3213.

² ПСЗ. Т. 7. № 4522.

³ ПСПР. Т. 1. № 282; ПСЗ. Т. 4. С. 2249; ОДД. Т. 1. № 612.

попрошаек и приводить в полицмейстерскую канцелярию, где здоровых должны были определить на работы: молодых – в казенные работы, а стариков – в госпиталь (еще одно новшество в петровской России) для определения, могут ли они работать и с кем они живут¹. Эти меры уже содержались в Регламенте Главного магистрата 1721 года, который предписывал новым магистратам призывать «сырых, убогих, больных и увечных, и... самых престарелых людей обоего пола...»². Между 1712 и 1720 годами появился ряд указов, регулировавших существование новых госпиталей. В 1712 году Петр приказал построить госпитали во всех губерниях для «увечных таких, которые ничем работать не могут ни стеречь также и зело престарелым»³. Через два года Петр изменил свой оригинальный указ, на сей раз обязывая церковь строить госпитали для незаконнорожденных и их матерей⁴. Указ 1720 года установил эту меру специально для Москвы⁵.

Петр понимал категорию истинно нуждающихся бедных. Сохранившееся законодательство демонстрирует, что суверен считал наиболее заслуживающих помощи солдат и офицеров, пострадавших на службе его величеству. Указ 1710 года, например, устанавливал, что раненые и покалеченные солдаты и офицеры должны быть помещены в богадельни; в 1719 и снова в 1720 годах новые указы обязали монастыри принимать солдат, которые по причине возраста, дряхлости или ранений не могли более служить и, не имея службы, не могли себя содержать. Четыре года спустя Петр повторил этот указ, приказывая монастырям принимать «солдат отставных, которые трудиться не могут и прочих прямых нищих»⁶. Также в 1758 году было приказано распределить по богадельням 119 отставных солдат, унтер-офицеров и капралов⁷.

Все эти указы живо показывают, что петровское правительство с подозрением смотрело на бедняков, видя в них не столько объект сострадания, сколько препятствие начатым Петром военным и административным реформам. По замечанию одного историка, по другому указу примерно

¹ ПСЗ. Т. 6. № 3945.

² ПСЗ. Т. 6. № 3708.

³ ПСЗ. Т. 4. № 2467, 2477.

⁴ ПСЗ. Т. 5. № 2856, 2953.

⁵ ПСЗ. Т. 6. № 3502.

⁶ ПСЗ. Т. 4. № 2249; Т. 5. № 3409. Т. 6. 3576; Т. 7. № 4450. Данные инструкции, вероятно, не были до конца выполнены. Например, хотя в начале XVIII века Успенский монастырь в Старице выделял кельи для шестерых бедняков, живших на монастырском пропитании, военных инвалидов монастырь начал принимать только в 1731 году, монахи присматривали за ними до 1764 года, пока государство не конфисковало монастырские земли [Завьялов, 1896. С. 58–70]. Благодарю Эн Клеймолу за предоставление данной информации.

⁷ ЦГИАМ. Ф. 203. Оп. 753. Д. 1112. Благодарю Элизу Виртшафтер за предоставление данной информации.

того же времени (1722 года) «все сельские и городские дураки, а "также слепые, и весьма увечные, и дряхлые" должны были платить подушную подать». Те же, кто не могли платить налоги или служить, определялись в богадельни «только чтоб... без дела и в гуляках не были». Указ 1724 года предписывал «попрошак, нищих, больных, увечных... вдов, сирот, гулящих» отправлять не в монастыри или благотворительные учреждения, но в полицию, что отражает петровское предубеждение против нищих [Анисимов, 1989. С. 368–369; Anisimov, 1993. Р. 227–228].

Эти и другие меры не могли ускользнуть от внимания правительственных чиновников, посланных осуществлять перепись населения российских городов. В результате, даже если иностранные путешественники по России удивлялись количеству попрошак и нищих, петровские переписчики включали в свои книги только тех, чьи претензии на бедность и помощь не вызывали никаких сомнений ¹.

Калеки

По крайней мере, со времен средневековья в описаниях нищенства всегда лидировали калеки, несмотря на растущий репертуар бедняков, в Новое время калеки получали больше сочувствия и помощи, чем их здоровые собратья [Wandel, 1990. Р. 77–123; Fairchilds, 1976. Р. 113–115; Jütte, 1994. Р. 2, 14]. По замечанию одного историка, «затяжная болезнь или физическое увечье более чем что-либо могли толкнуть человека или целую семью от бедности к нужде» [Jütte, 1994. Р. 23. Маргарет Пеллинг обнаружила в Норидже «постоянный уровень калек среди взрослых бедняков»: Pelling, 1988. Р. 282]. Однако, если судить по городским переписям начала XVIII века, калек было довольно мало. В десяти городах, чьи переписи здесь использованы, менее одного процента (320 чел.) от общего населения более 38 тыс. были обозначены как калеки. Это не только меньше ожидаемого уровня, но при сравнении переписей обнаруживаются значительные расхождения, иллюстрируя, что данные не отражают полной и точной картины количества калек в городах.

Например, сказка 1715 года из Тулы показывает, что 7,3% от всех домохозяйств имели, по крайней мере, одного калеку, однако пять лет спустя этот процент сократился до двух. Подсчеты в других городах обнаруживают похожие различия. Немногие исследования нищенства затрагивают вопрос инвалидности, так что трудно узнать, насколько исключительными являются российские показатели. Маргарет Пеллинг отмечает, что в Норидже конца XVI века бедняки-калеки составляли 1,5% от населения

¹ См. замечания иностранцев о нищенстве в России: Семенова, 1982. С. 244; в Гамбурге того времени такие же драконовские меры применялись против бедняков, и в результате только 3,2% населения официально считалось нищими [Lindemann, 1990. Р. 84].

города [Pelling, 1988. P. 278–283], хотя этот показатель не включает инвалидов из более обеспеченных слоев населения; в другой своей работе она отмечает, что в Норидже 9% взрослых бедняков (старше 16 лет) были либо больны, либо увечны, и еще 1,5% «неспособны к работе» [Pelling, 1985. P. 120]. Однако в Амьене конца XVIII века более 1/3 глав домохозяйств были серьезно больны, а более 1/4 взрослого населения имели какое-либо серьезное увечье [Engrand, 1982. P. 399].

Из тех, кто был обозначен в качестве калек, 1/3 страдали от физического увечья, достаточно серьезного, чтобы ограничить их мобильность (табл. 3). Самая большая группа имела увечья, связанные с ногами: некоторых источники называли «хромыми» без каких-либо дальнейших подробностей¹. Другая большая группа включала безруких. Потеря части тела является довольно серьезной, а в доиндустриальную эпоху этот вид инвалидности мог быть решающим, особенно если пострадавший был главой домохозяйства, что, вероятно, объясняет внимание переписей к увечьям среди мужчин: из 115 лиц, отмеченных как калек или имеющих другие проблемы с опорно-двигательным аппаратом, было только 15 женщин – показатель, который вряд ли отражает естественную картину инвалидности.

Конечно, нет причин считать, что мужчины в Московском государстве подвергались большому риску врожденных травм, нежели женщины. Хотя большое количество источников свидетельствует о широко распространенном насилии, включая увечья, которому подвергались женщины в своих семьях в условиях патриархатного московского государства, где насилие было достаточно распространено, женщины вероятно меньше подвергались уличному и публичному насилию, нежели мужчины. Роберт Гарланд отмечает, что среди обнаруженных греческих скелетов, которые имеют разные переломы, четыре из пяти принадлежали мужчинам [Garland, 1995. P. 19].

Лица с нарушением зрения оставляли другую большую группу инвалидов в городах России начала XVIII века: подсчеты по домохозяйствам выявили 87 таких лиц с нарушениями зрения, то есть более 1/4 всех обозначенных в переписях в качестве калек. Большинство источники называют «слепыми», но также в переписях обозначается значительная группа лиц с «плохим зрением» («очьями / глазами нищ» или «маловиден»). По мнению

¹ Хромыми также чаще всего определяли бедняков в Норидже [Pelling, 1988. P. 281]. В Амьене XVIII века увечья рук и ног были также распространены, таких случаев было столько же, сколько и тех, кого именовали «калеками» [Engrand, 1982. P. 400], других именовали безногими или неходячими, третьих переписи обозначали как калек или увечных (хотя этот термин мог включать и потерю других членов, не только ног). По московским законам XVII века большое количество преступлений наказывалось увечьем. Например, крепостной, помысливший на жизнь хозяина, приговаривался к лишению руки также, как и писарь, подделавший судебные записи [Уложение, 1985. XXII: 8, X: 12], другие преступления могли привести к отнятию кисти или руки [III:4, 5, 9; VII: 29; X: 106, 199, 251]. Также служилые люди часто использовали увечье как причину для неявки на службу [VII: 17], так что можно считать, что среди московского городского населения было много калек.

исследователей, плохое зрение было достаточно широко распространено в Европе раннего Нового времени, вероятно, являясь результатом недостатка витаминов; влияло ли плохое питание на проблемы со зрением в петровской России, еще остается выяснить¹. Переписчики обнаружили слепых среди как мужчин, так и женщин, но слабовидящие мужчины превосходили женщин в пропорции 3:2. Выбитый глаз гораздо более явно ассоциировался с мужчинами: восемь из десяти лиц, обозначенных как «кривой», были мужчинами, что вероятно отражало жесткие условия городской жизни в петровской России.

Городские переписи также упоминают и о психических заболеваниях. Переписчики использовали разные термины, однако не очень точные, для обозначения данного типа инвалидности. Чаще всего встречаются «слабоумные» («малоумен»), хотя как их можно отделить от «простоумных» совершенно не понятно. Некоторых других источники обозначают как «вне ума», «бесноватыми» и просто «умом плохи». Совершенно другой категорией являются дряхлые, к которой принадлежат практически одни мужчины. Очень мало известно об условиях жизни психически больных в России раннего Нового времени, но переписи предполагают, что они редко попадали в богадельни; действительно, единственной психически больной, принятой в богадельню в Вятке в 1710 году, была вдова Ирина Анисимова двадцати пяти лет. Все остальные жили в своих собственных или иных чьих домах, но как с ними обращались, мы не знаем [Вятка, 1887. С. 60]².

Другую большую группу, видимую в источниках, составляли те, у кого были проблемы с речью. Переписчики обозначали их просто – «нем», среди них встречаются как мужчины, так и женщины. Однако некоторые получили больше внимания; некоторые были «косноязычными» («косен языком»), другие вообще не имели языка («без языка») ³. Переписи обнаружили еще меньше горожан, страдавших проблемами слуха. Обычно их описывают как

¹ Пеллинг отмечает, что слепые и «почти» слепые составляли лишь незначительную часть нищих Нориджа – 10 из 2359 [Pelling, 1985. P. 120], но Шарль Энгран обнаружил, что в Амьене XVIII века слепые и имеющие серьезные проблемы со зрением составляли почти 1/4 всех инвалидов и около 7% нищих, хотя вероятно, что ткачество, распространенное в Амьене, увеличивало количество слабовидящих [Engrand, 1982. P. 399–400]. Ютте, специально изучавший питание бедняков в Западной Европе раннего Нового времени, поднял вопрос о возможности влияния авитаминоза на зрение, но не смог доказать зависимость слепоты от плохого питания [Jütte, 1994. P. 24, 72–77; Jütte, 1988. P. 117–135].

² Джули В. Браун написала краткий обзор подходов к психическим заболеваниям в России, посвятив большую часть XVIII и XIX векам [Brown, 1989. P. 13–37]. В конце XVI века в Норидже психически больных регулярно помещали в специальные учреждения, чаще всего вместе с прокаженными и эпилептиками, которых также считали неизлечимыми [Pelling, 1985. P. 132].

³ Российское уголовное право наказывало клятвopеступников урезанием языка [Уложение, 1985. XIV: 10]. Раскольникам также часто вырезали язык [The Life of Archpriest Avvakum, 1974. P. 445].

глухих, и только 11 человек из 38 тыс. обозначаются данным термином. Не подлежит сомнению, что уровень диагностических знаний правительственных чиновников был исключительно низок, а их внимание к подобным проблемам маловероятным. В отличие от проблем зрения, которые очевидно прямо влияли на трудоспособность, слуховые проблемы было проще скрыть, а также они мало влияли на уровень дохода домохозяйства, чем и можно объяснить относительно низкий показатель слабослышащих в переписях, с одной стороны. С другой стороны, по мнению Ричарда Хейли, звуки и шумы в России XVIII века могли нанести меньше травм человеческому уху, по сравнению с городским шумом конца XX столетия¹. Однако Маргарет Пеллинг обнаружила, что в Норидже конца XVI века слепые встречались в два раза чаще, чем глухие, что, вероятно, означает, что российские показатели, по которым слабослышащие в восемь раз превышают количество слабослышащих, не надежны [Pelling, 1985. P. 281]. Перепись 1769 года в Амьене обнаружила только одного глухого на 277 человек, у которых были выявлены серьезные физические недостатки [Engrand, 1982. P. 400].

Городские переписи также сообщают о большом количестве других болезней, хотя их довольно трудно идентифицировать, принимая во внимание расплывчатые термины, которыми их описывают. Проще всего отделить тех, кто страдал от падучей болезни, скорее всего, так описывали эпилепсию². Другие болезни не получили специального названия: некоторых больных источники просто называют «скорбными» или «хворыми», в то время как других описали как «в ослабленном состоянии» («в розслаблении»)³. Трех человек источник называет «уродливыми», хотя объяснений того, как была получена травма – в результате рождения или несчастного случая, – нет. Большая часть остальных страдала от болезней, которые, если не было уверенности в диагнозе, оставляли видимые знаки, должным образом фиксированные переписчиками: например, рязанский житель Тимофей Прокофьев сын Юрьев, будучи всего 21 года, страдал от какой-то болезни спины («увечен на спине скорб»); шестилетний тульский мальчик Козьма Лукутин болел грыжей («увечен грыжей») [Рязань, 1884. С. 130; Тула, 1884. С. 141]⁴. Другие болезни были менее очевидными и, скорее всего, зависели от того, что скажут сами опрашиваемые: например, о жителях Тулы, Никите Антонове сыне Павлове и одном из его сыновей записано, что они страдали какой-то болезнью желудка («увечен животною скорбию»); Василий Евлев страдал

¹ Личный разговор, 8 июля 1995 года.

² Также была распространена и в Норидже [Pelling, 1985. P. 281].

³ В Норидже также 1/3 всех больных бедняков просто описывали как «больных, хилых и очень больных» [Pelling, 1985. P. 120].

⁴ Термин «грыжа» имел несколько значений, собственно «грыжа» была самым точным. Вероятно, мальчик страдал от некоторой боли или коликов, однако, какими именно, трудно понять из контекста [Словарь, 1975. Т. IV. С. 148; Словарь, 1965. Т. VII. С. 180].

от чахотки; а отставной солдат Иван Степанов сын Трюков жаловался на слабость и непонятную болезнь («увечен недугом»), вероятно просто на старость (Трюкову было 70 лет) [Тула, 1884. С. 144, 126].

В России XIX века по отчетам того времени «постоянные нищие» включали «... калек, слепцов, слабоумных и деревенских дурачков» [Semyonova-TianShanskaia, 1993. P. 108]¹. Несмотря на традиционные концепции и определения нищенства, заложенные в законодательстве той эпохи, довольно удивительно видеть, что большинство калек в допетровских городах не включалось в категорию бедных, которым полагалось освобождение от налогов или иной вид помощи². Безусловно, инвалиды есть и среди бедняков петровской эпохи. Например, тульская перепись признала Никифора Савельева сына Залоторева нищим. Залотореву было 49 лет в 1715 году, но, что более важно, он был слепым, так что его 37-летняя жена и трое маленьких детей разделили его бедность. Василий Ларин также был бедняком, но вдобавок он являлся 62-летним стариком, так что он и его жена зависели от благотворительности. Варфоломей Артемьев сын Юрищев был молод (26 лет), но косноязычен и «слабоумен». В результате он и его 20-летняя жена, их малолетний ребенок, хромой брат и жена брата не могли нести налоговое бремя общины [Тула, 1884. С. 148–149]. Эти домохозяйства демонстрируют, что некоторые инвалиды в петровское время принадлежали к категории нищих. Однако такие дела составляют лишь небольшой процент. Некоторые переписи вообще не указывают инвалидов среди глав домохозяйств, в тех же, где такие указания есть, они не играют существенной роли. В целом, инвалиды являлись главами менее 5% бедных домохозяйств, обозначенных в 12 переписях.

По большей части те, кто страдал от физических или психических заболеваний в петровской России, жили в домохозяйствах, которые заботились о них и компенсировали их утраченный труд. «В старой России, как и в большинстве традиционных обществ, первичная ответственность за психически и физически больных лежала на семье и местной общине» [Brown, 1989. P. 14]. Например, Федору Артемьеву сыну Куплину 50 лет и его жене Евдокеи 35 лет, торговавшим скотом в Белеве, было о чем беспокоиться в 1718 году. Вдобавок к своим двухнедельным близнецам они приняли на воспитание свою крестную дочь 6 лет. Но самой большой заботой для них стала сирота, которую они взяли в свой дом, увечная (ее правая рука была парализована) и слабоумная Евдокея Маркова дочь 30 лет. Тем не менее Куплины справлялись: у них не только был собственный дом, но также и своя

¹ А. Н. Энгельгардт, прибывший в ссылку в свое смоленское имение в начале 1870-х годов, также отмечал, что там «Нищий, большею частью калека, больной, неспособный к работе человек, немощный старик, дурачок» [Энгельгардт, 1999. С. 31].

² Нориджская перепись бедняков 1570 года также указывала, что некоторые очень больные люди продолжали работать или, по крайней мере, жили независимо, несмотря на свою болезнь [Pelling, 1985. P. 120].

баня, лавка в мясном ряду Белевского рынка. Они так же платили налоги за всех [Белев, 1885. С. 42]. Другой белевский житель Григорий Безносков обозначен в переписи как глава домохозяйства. Но, будучи 80 лет от роду и слепым, он явно зависел от своего сына Ивана 45 лет и его семьи, включавшей жену и двух сыновей. Несмотря на бремя Безносовы процветали: у них также была своя баня и лавка на городском рынке, где они торговали в разнос красками и маслами достаточно успешно для уплаты более 6 рублей налогов в 1718 году [Там же. С. 44]. Все эти примеры подтверждают то, что инвалиды по большей части зависели от здоровых родственников.

Таким же образом здоровые иногда, должно быть, находились под серьезным давлением, оказываемым на них содержанием пожилых и больных родственников. В Торопце мало кто из инвалидов избежал обязательства по уплате налогов, но в случае домохозяйства Ивана Данилова сына Полетова дело обстояло серьезнее, чем в остальных случаях. Когда прибыли переписчики в 1710 году, Полетов сообщил, что ему 80 лет, а его жене – 85¹. Один сын – Матвей, 35 лет – был хром и не мог вносить большой вклад в доходы домохозяйства, которые состояли из того, что приносили оставшиеся три брата черной работой. Помогало ли им присутствие их двоюродного брата Степана, 45 лет, и его семьи из жены и двоих маленьких детей, или наоборот доставляло дополнительные трудности, не ясно. Несмотря на негативное соотношение количества ртов и здоровых рабочих рук, это домохозяйство платило более четырех рублей налогов [Торопец, 1883. С. 36].

* * *

Переписи населения данных десяти российских городов подтверждают, что правительственные чиновники имели свой собственный, но достаточно знакомый взгляд на проблему бедности. Хотя предыдущие поколения и привыкли относить калек, безумных и хронически больных к категории нищих, инвалиды в этих городах составляли небольшую часть тех, кого переписи причисляли к бедным. По большей части российские горожане этого времени давали приют своим немощным старикам или детям и принимали на себя связанные с этим решением финансовые и трудовые потери. Старики при этом часто не имели живых родственников, к которым они могли бы обратиться за помощью. В эпоху высокой смертности², когда несомненно уми-

¹ Полетов и его жена явно преувеличили свой возраст, что было обычным делом среди пожилых.

² Ле Брас, однако, обнаружил незначительную разницу в количестве выживавших родственников у молодых и у пожилых в доиндустриальной Франции. Конечно, старики, вероятно, находили больше прямых родственников среди выживших, нежели молодежь; однако обе возрастные группы, скорее всего, имели относительное большое количество выживших родственников по боковым линиям. Ключевой проблемой, таким образом, было не количество выживших, а то, насколько вероятно старики могли найти приют у родственников по сравнению с осиротевшим ребенком [Le Bras, 1982. P. 35].

рало большое количество молодежи, старики вели довольно одинокую жизнь. Вне зависимости от того, прибегали ли они к услугам богаделен или находили приют дома или оказывались на улице, старики доминировали в демографии бедности, основываясь на данных изученных переписей.

Женщины также гораздо больше страдали, оказавшись среди нищих. В этих городах женщины превосходили мужчин среди нищих в пропорции пять к четырем, пропорции, которая значительно превосходит общий половой показатель. Хотя еще не достаточно данных, однако видится вероятным, что более высокая ожидаемая продолжительность жизни для женщин в совокупности с их более низким экономическим и правовым положением подвергала женщин превратностям бедности чаще, чем мужчин¹. Оставаясь вдовами, они немедленно чувствовали всю тяжесть своего положения, и поэтому вряд ли следует удивляться тому, что 1/3 всех бедных домохозяйств возглавлялась именно женщинами. Переписи подтверждают, что время от времени вдова могла искать облегчения через объединение ресурсов с другой вдовой; другие перебирались в более богатые домохозяйства, где они, скорее всего, должны были работать в обмен на приют. При отсутствии других возможностей пожилые женщины могли оказаться в богадельне, где становились предметом нового режима помощи бедным. Петровские чиновники открыто признавали все эти формы женской бедности.

Сироты также играли свою роль в этой драме. Их роль труднее увидеть в переписях населения, которые упоминают их мимоходом в качестве иждивенцев разного рода учреждений или в домах богатых и здоровых. Вероятнее всего, те, кто потерял родителей, подобно инвалидам и овдовевшим, по большей части зависели от родственников, которые давали им приют из милости. Даже если дяди и другие родственники и использовали труд сирот, как то без сомнения происходило, у них все равно было мало альтернатив в том мире, где благотворительность была относительно слабо организованной.

Таким образом, в большинстве своем те, кто появляется на страницах переписей народонаселения – старики, женщины и сироты, – являлись «структурными» бедняками – чьи претензии на помощь петровское государство было готово признать. Инвалиды, однако, не представляли достаточно важной части нищих в России, несмотря на клятвенные заверения правительства о необходимости их защищать. Петр I и его правительство не считали приемлемым для себя расширять категорию бедных, и поэтому инвалиды не были защищены от налагаемых правительством обязательств служить – либо принудительным трудом, либо на войне. Даже брошенные дети пробуждали официальную заботу, скорее, по причине своего потенциального

¹ Троянский, ссылаясь на Ив Блайо, показывает, что во Франции XVIII века ожидаемая продолжительность жизни для женщин значительно выросла [Trojansky, 1989. P. 11]. Наблюдалось ли это явление в России, еще предстоит выяснить, однако видится вполне вероятным, что демографические режимы этих двух доиндустриальных обществ были похожи.

трудового ресурса, нежели своим незавидным положением¹. Посему не удивительно, что переписи относят к категории бедных относительно небольшую часть городского населения.

Несмотря на приведенные предубеждения, городское население в то время также включало и другие категории бедных, чей путь к нищенству трудно проследить. Молодые, здоровые, имевшие поддержку супругов или других родственников, эти нищие, похоже, попали в категорию бедных почти случайно. Без сомнения, многие домохозяйства пострадали от войны, однако были и другие причины обеднения. Но переписи населения сами по себе не могут дать необходимых объяснений тому, как молодые, здоровые и имеющие иждивенцев обеднели. Так Роману Афанасьеву сыну Проваторову было 20 в 1718 году, он был, очевидно, здоров, имел 21-летнюю жену, также без очевидных признаков инвалидности; тем не менее, он был обречен на бедность [Боровск, 1888. С. 134]. Роман Проваторов, очевидно, принадлежал к другой группе бедных, которые не являлись таковыми постоянно и окончательно, но оказались временно в тяжелой ситуации по причине явлений, которые они не были способны контролировать. Их проблема заключалась в том, что их количество увеличилось в изучаемый период, и везде, включая Россию, правительство стало уделять им больше внимания по мере усиления контроля за расходами в процессе реформирования системы благотворительности.

Список сокращений

<i>АИ</i>	–	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб.: В Типографии II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841–1842
<i>ГАЯО</i>	–	Государственный архив Ярославской области
<i>ОДД</i>	–	Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода: в 70 т. СПб.: В Синодальной типографии, 1868–1917
<i>ПСЗ</i>	–	Полное собрание законов Российской Империи: в 45 т. СПб., 1830
<i>ПСПР</i>	–	Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: в 14 т. СПб.: В Синодальной Типографии, 1872–1916
<i>ЦГИАМ</i>	–	Центральный Государственный Исторический Архив города Москвы

¹ «Вид потенциально полезных для государства подданных, брошенных и умирающих на улицах, Петр, должно быть, считал особенно неприемлемым» [Ransel, 1988. P. 27].

Таблица 1.

Используемые переписи городских домохозяйств (ревизские сказки) ¹

<i>Город</i>	<i>Дата переписи</i>	<i>Население</i>	<i>Кол-во домохозяйств</i>
Белев	1718	4110	841
Боровск	1719	2399	335
Малоярославец	1715	976	156
Рязань	1718	1589	220
Торопец	1710	3674	839
Тула 1715 год	1715	5309	916
Тула 1720 год	1720	3022	502
Углич	1717	5089	877
Устюжна	1713	2277	417
Вятка 1720 год	1710	4368	724
Вятка 1717 год	1717	2387	394
Зарайск	1715	2980	498
ИТОГО		38180	6719

Таблица 2.

Бедные и освобожденные от налогов домохозяйства, города Центральной России, начало XVIII века (ревизские сказки) ²

<i>Город</i>	<i>Общее кол-во домохозяйств</i>	<i>Кол-во бедных и не тяглых домохозяйств*</i>	<i>%</i>
Белев	841	12	1,4
Боровск	335	50	14,9
Малоярославец	156	7	4,5
Рязань	220	33	15,0
Торопец	839	124	14,8
Тула 1715 год	916	110	12,0
Тула 1720 год	502	35	7,0
Углич	877	278	31,7
Устюжна	417	87	20,9
Вятка 1710 год	724	81	11,2
Вятка 1717 год	394	29	7,4
Зарайск	498	24	4,8
ИТОГО	6719	870	12,9

¹ Мною уже было сделано подробное описание источников и библиографии ревизских сказок [См.: Kaiser, 1992–1993. P. 44–58; Kaiser, Engel, 1993. P. 824–839; Кайзер, 1994. Т. 2. С. 225–237].

² В это число не включены богадельни.

Таблица 3

**Количество и типы инвалидности, российские города начала XVIII века
(ревизские сказки)**

<i>Тип инвалидности</i>	<i>Кол-во мужчин</i>	<i>Кол-во женщин</i>	<i>Общее кол-во</i>
Проблемы с опорно-двигательным аппаратом			
Хромые	16	4	20
Безногие, парализованные ноги	29	8	37
Безрукие, парализованные руки	28	1	29
Калеки, увечные	20	1	21
Горбатые	6	1	7
Другие	1	0	1
Общее кол-во	100	15	115
Проблемы со зрением			
Слепые	34	22	56
Плохо видящие	13	6	19
Одноглазые (кривые)	8	2	10
Другие	1	1	2
Общее кол-во	56	31	87
Проблемы с речью			
Немой	9	7	16
Косноязычный и пр.	3	1	4
Общее кол-во	12	8	20
Проблемы со слухом			
Глухой	7	4	11
Общее кол-во	7	4	11
Психические проблемы			
Малоумные	14	4	18
Дряхлые	10	1	11
Простоумные	5	0	5
Другие	3	1	4
Общее кол-во	32	6	38
Другие проблемы			
Падучая болезнь	10	1	11
Скорбные	14	2	16
Слабые	4	3	7
Хворые	4	1	5
Уродливые	1	2	3
Другие	6	1	7
Общее кол-во	39	10	49
Общее количество	246	74	320

Список литературы

- Белев.* Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1885.
- Боровск.* Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1888.
- Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М.: Просвещение, 1973.
- Вятка.* Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1887.
- Домострой / сост. В. В. Колесова. М.: Сов. Россия, 1990.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1992.
- Завьялов А. Историческое описание Старицкого Успенского Monастыря. Тверь: тип. Губ. правл., 1895.
- Зарайск.* Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1883.
- Кайзер Д.* Возраст при браке и разница в возрасте супругов в городах России в начале XVIII в. // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: в 2-х т. М.: Межвуз. центр гуманит. образ. «Петр Великий», 1994. Т. 2. С. 225–237.
- Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Прыжов И. Г.* Нищие на святой Руси. Казань: Молодые силы, 1913.
- Прыжов И. Г.* 26 Московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб.: ЭЗРО; М.: Интрада, 1996.
- Путешествие* в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1874.
- Рязань.* Материалы для истории города XVI–XVIII столетия. М.: тип. Волчанинова, 1884.
- Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л.: Наука, 1982.
- Словарь* русских народных говоров: в 42 т. М.; Л.: Наука, 1965–2008.
- Словарь* русского языка XI–XVII вв.: в 28 т. М.: Наука, 1975–2008.
- Соборное Уложение* 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. С. 75–443 [См. англ. перевод: The Muscovite Law Code [Ulozhenie] of 1649, part 1: Text and Translation / trans., ed. by Richard Hellie. Irvine: Charles Schlacks Jr Pub, 1988.]
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 15 т. М.: Соцэкгиз, 1962–1966.

Стоглав. Введение. Текст. Комментарий // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит.-ра, 1985. С. 242–499.

Торонец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1883.

Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1884.

Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: тип. Волчанинова, 1887.

Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Наука, 1999.

Яновский А. Е. Богадельня // Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауза и А. И. Ефрона: в 82 т. СПб.: Семеновская Типо-Литография (А. И. Ефрона), 1890–1904.

Яновский А. Е. Богадельня // Новый энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауза и А. И. Ефрона: в 29 т. СПб.: тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1911–1916.

Anisimov E. V. The Reforms of Peter the Great. Progress Through Coercion in Russia. Armonk: M. E. Sharpe, 1993. [См. оригинал: Анисимов Е. В. Время Петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.]

Arber S., Ginn J. Gender and Later Life: A Sociological Analysis of Resources and Constraints. L.: Sage, 1991.

Blockmans W. P. Circumscribing the Concept of Poverty // Aspects of Poverty in Early Modern Europe / ed. by Th. Riis. Alphen aan den Rijn: Sijthoff, 1981. P. 39–45.

Blockmans W. P., Prevenier P. Poverty in Flanders and Brabant from the Fourteenth to the Mid-Sixteenth Century: Sources and Problems // Acta Historiae Neerlandicae. 1978. Vol. 10. P. 20–39.

Bohac R. D. Widows and the Russian Serf Community // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / ed. by B. E. Clements et al. Berkeley: Berkeley UP, 1991. P. 95–112.

Boulton J. London Widowhood Revisited: The Decline of Female Remarriage in the Seventeenth and Early Eighteenth Centuries // Continuity and Change. 1990. Vol. 5. P. 323–355.

Brown J. V. Society Responses to Mental Disorders in Prerevolutionary Russia // The Disabled in the Soviet Union: Past and Present / ed. by W. O. McCagg and L. Siegelbaum. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1989. P. 13–37.

Brown W. N. The Receipt of the Poor Relief and Family Situation: Aldenham, Hertfordshire 1630–1690 // Land, Kinship and Life-Cycle / ed. by R. M. Smith. Cambridge: Cambridge UP, 1984. P. 405–422.

Cavallo S. Patters of poor Relief and Patterns of Poverty in Eighteenth-Century Italy: The Evidence of the Turin Ospedale di Carità // Continuity and Change. 1990. Vol. 5. P. 65–98.

Chabot I. Widowhood and Poverty in Late Medieval Florence // Continuity and Change. Special issue: Charity and the Poor in Medieval and Renaissance Europe. 1988. Vol. 3. № 2. P. 291–311.

- Cipolla C. M.* Economic Fluctuations, the Poor, and Public Policy (Italy, 16th and 17th centuries) // *Aspects of Poverty in Early Modern Europe* / ed. by Th. Riis. Alphen aan den Rijn: Sijthoff, 1981. P. 65–77.
- Coatsworth J.* Presidential Address: Welfare // *American Historical Review*. 1996. Vol. 101. P. 1–12.
- Davis N. Z.* Poor Relief, Humanism, and Heresy // *Davis N. Z. Society and Culture in Early Modern France*. Stanford: Stanford UP, 1975. P. 17–64.
- Diefendorf B.* Widowhood and Remarriage in Sixteenth-Century Paris // *Journal of Family History*. 1982. Vol. 7. P. 379–395.
- Engrand Ch.* Paupérisme et condition ouvrière dans la seconde moitié du XVIIIe siècle: L'exemple Amiénois // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1982. Vol. 29. P. 376–410.
- Fairchilds C. C.* Poverty and Charity in Aixen-Provence, 1640–1789. Baltimore: John Hopkins UP, 1976.
- Feinberg A.* The Representation of the Poor in Elizabethan and Stuart Drama // *Literature and History*. 1986. № 12. P. 152–163.
- Garland R.* The Eye of the Beholder: Deformity and Disability in the Graeco-Roman World. London: Duckworth, 1995.
- Geremek B.* Poverty: A History. Oxford: Oxford UP, 1994.
- Gutton J. P.* Les pauvres face à leur pauvreté: le cas français 1500–1800 // *Aspects of Poverty in Early Modern Europe II* / ed. by Th. Riis. Odense: Odense University Press, 1986.
- Hardwick J.* Widowhood and Patriarchy in Seventeenth-Century France // *Journal of Social History*. 1992. Vol. 24. P. 133–148.
- Hellie R.* Slavery in Russia 1450–1725. Chicago: Chicago UP, 1982.
- Henderson J.* Piety and Charity in Late Medieval Florence. Oxford: Oxford UP, 1994.
- Henderson J.* The Parish and the Poor in Florence at the Time of the Black Death: The Case of S. Frediano // *Continuity and Change. Special issue: Charity and the Poor in Medieval and Renaissance Europe*. 1988. Vol. 3. № 2. P. 247–272.
- Henderson J.* Women, Children and Poverty in Florence at the Time of the Black Death // *Poor Women and Children in the European Past* / ed. by J. Henderson, R. Wall. L.: Routledge, 1994. P. 160–179.
- Henderson J., Wall R.* (eds.) *Poor Women and Children in the European Past*. L.: Routledge, 1994.
- Hoch S.* Serfdom and Social Control: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago: Chicago UP, 1986. [См. русский перевод: Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.]
- Hufton O. H.* The Poor of Eighteenth-Century France 1750–1789. Oxford: Oxford UP, 1974.
- Hufton O.* Women Without Men: Widows and Spinsters in Britain and France in the Eighteenth Century // *Between Poverty and the Pyre: Moments in the History of Widowhood* / ed. by J. Bremmer, L. van den Bosch. L.: Routledge, 1995. P. 122–151.

- Jütte R.* Poverty and Deviance in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge UP, 1994.
- Jütte R.* Diets in Welfare Institutions and in Outdoor Poor Relief in Early Modern Western Europe // *Ethnologia Europaea*. 1988. Vol. 16. № 2. P. 117–135.
- Kahan A.* Natural Calamities and Their Effect upon the Food Supply in Russia (An Introduction to a Catalogue) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1968. Vol. 16. P. 353–377.
- Kaiser D. H.* Urban Household Composition in Early Modern Russia // *Journal of Interdisciplinary History*. 1992–1993. Vol. 23. P. 44–58.
- Kaiser D. H., Engel P.* Time- and Age-Awareness in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 1993. Vol. 35. P. 824–239.
- Klyuchevsky V.* Peter the Great. N. Y.: Random House, 1958. [См. оригинал: Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников // В. О. Ключевский. Собр. соч. в 8 т. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959. Т. 8.]
- Kollmann J.* The Moscow Stoglav ["Hundred Charters"] Church Council of 1551. PhD dissertation. 2 vols. University of Michigan, 1978.
- Laslett P.* Family, Kinship and Collectivity as Systems of Support in Preindustrial Europe: A Consideration of the "Nuclear-Hardship Hypothesis" // *Continuity and Change. Special issue: Charity and the Poor in Medieval and Renaissance Europe*. 1988. Vol. 3. № 2. P. 153–175.
- Le Bras H.* Évolution des liens de famille au cours de l'existence: Une comparaison entre la France actuelle et la France du XVIIIe siècle // *Les Âges de la vie*. 2 vols. Paris: PUF/INED, 1982. Vol. 1. P. 27–47.
- Lindemann M.* Patriots and Paupers: Hamburg, 1712–1830. N. Y.: Oxford UP, 1990.
- Lindemeyer A.* Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton: Princeton UP, 1996.
- Lis C., Soly H.* Capitalism in Pre-Industrial Europe. Atlantic Highlands: Harvester press, 1979.
- Marchini A.* Poverty, the Life Cycle of the Household and Female Life Course in Eighteenth-Century Corsica // *Poor Women and Children in the European Past* / ed. by J. Henderson, R. Wall. L.: Routledge, 1994. P. 225–250.
- Martz L.* Poverty and Welfare in Habsburg Spain: The Example of Toledo. Cambridge: Cambridge UP, 1983.
- Meyer J.* Pauvreté et assistance dans les villes bretonnes de l'Ancien Régime // *Actes du 97e congrès national des sociétés savantes*. Vol. 1: Assistance en assistés de 1610 à nos jours. Nantes, 1972. P. 445–460.
- Mollat M.* The Poor in the Middle Ages: An Essay in Social History. New Haven: Yale UP, 1986.
- Palazzi M.* Female Solitude and Patrilineage: Unmarried Women and Widows During the Eighteenth and Nineteenth Centuries // *Journal of Family History*. 1990. Vol. 15. P. 443–459.
- Pelling M.* Healing the Sick Poor: Social Policy and Disability in Norwich 1550–1640 // *Medieval History*. 1985. Vol. 29. P. 115–137.

- Pelling M.* Illness Among the Poor in an Early Modern English Town: The Norwich Census of 1570 // Continuity and Change. Special issue: Charity and the Poor in Medieval and Renaissance Europe. 1988. Vol. 3. № 2. P. 273–290.
- Potter C. J.* The Russian Church and the Politics of Reform in the Second Half of the Seventeenth Century. Ph. D. dissertation. Yale University, 1993.
- Ransel D. L.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton UP, 1988.
- Robisheaux Th.* Rural Society and the Search for Order in Early Modern Germany. Cambridge: Cambridge UP, 1989.
- Roncière Ch. M. de la.* Pauvres et pauvreté à Florence au XVIe siècle // Études sur l'histoire de la pauvreté / ed. by M. Mollat. 2 vols. Paris: Publications de la Sorbonne, 1974. P. 661–765.
- Schwartz R. M.* Policing the Poor in Eighteenth-Century France. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988.
- Semyonova-TianShanskaia O.* Village Life in Late Tsarist Russia. Bloomington: Indiana UP, 1993. [См. оригинал: Семенова-ТянШанская О. П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. СПб.: тип. Стасюлевича, 1914.]
- Slack P.* Poverty and Policy in Tudor and Stuart England. L.: Longman, 1988.
- Slack P.* Poverty and Politics in Salisbury 1597–1666 // Crisis and Order in English Towns 1500–1700 / ed. by P. Clark, P. Slack. Toronto: University of Toronto Press, 1972. P. 165–177.
- Slack P.* The Reactions of the Poor to Poverty in England c. 1500–1750 // Aspects of Poverty in Early Modern Europe II / ed. by Th. Riis. Odense: Odense University Press, 1986.
- Smith S. D.* Female Householding in Late Eighteenth-Century America and the Problem of Poverty // Journal of Social History. Vol. 28. № 1. 1994. P. 83–107.
- Sokoll T.* Household and Family among the Poor: The Case of Two Essex Communities in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1993.
- Sokoll T.* The Household Position of Elderly Widows in Poverty: Evidence from Two English Communities in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // Poor Women and Children in the European Past / ed. by J. Henderson, R. Wall. L.: Routledge, 1994. P. 207–224.
- Subacchi P.* Conjunctural Poor and Structural Poor: Some Preliminary Considerations on Poverty, the Life-Cycle and Economic Crisis in Early Nineteenth-Century Italy // Continuity and Change. 1993. Vol. 8. P. 65–86.
- The Life of Archpriest Avvakum By Himself* // Medieval Russia's Epics, Chronicles, and Tales, rev. ed. / ed. by Serge A. Zenkovsky. New York: Meridian, 1974. P. 399–448. [См. оригинал: Житие протопопа Аввакума им самим написанное / подгот., коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, послесл. В. Е. Гусева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979]
- Trenard L.* Pauvrete, charite, assistance a Lille 1708–1790 // Actes du 97e congrès national des sociétés savantes. Vol. 1: Assitance en assistés de 1610 à nos jours. Nantes, 1972. P. 473–498.

Vassberg D. The Status of Widows in Sixteenth-Century Rural Castile // Poor Women and Children in the European Past, ed. by J. Henderson, R. Wall. L.: Routledge, 1994. P. 180–195.

Wales T. Poverty, Poor Relief and the Life-Cycle: Some Evidence from Seventeenth-Century Norfolk // Land, Kinship and Life-Cycle / ed. by R. M. Smith. Cambridge: Cambridge UP, 1984. P. 351–404.

Wall R. Elderly Persons and Members of Their Households in England and Wales from Preindustrial Times to the Present // Aging in the Past: Demography, Society, and Old Age / eds. by D. I. Kertzer, P. Laslett. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 81–106.

Wall R. Woman Alone in English Society // Annales de démographie historique. Vol. 16. 1981. P. 303–317.

Walter J. The Social Economy of Dearth in Early Modern England // Famine, Disease and the Social Order in Early Modern Society / ed. by J. Walter, R. Schofield. Cambridge: Cambridge UP, 1989. P. 75–128.

Wandel L. P. Always Among Us: Images of the Poor in Zwingli's Zurich. Cambridge: Cambridge UP, 1990.

Wirtschaftler E. K. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History. 1995. Vol. 59. P. 215–236.

Woolf S. The Poor in Western Europe in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. L.: Taylor & Francis, 1986.

Wrightson K., Levine D. Poverty and Piety in an English Village: Terling, 1525–1700. N. Y.: Academic Press, 1979.

Youngs J. Sixteenth-Century England. L.: Penguin Books, 1984.

(Пер. с англ. М. Г. Муравьевой)

Дэниэл Х. Кайзер

профессор Гринелл Колледжа в штате Айова, США

электронная почта: kaiser@grinnell.edu
